

УНИКАЛЬНАЯ
БИОГРАФИЯ
женщины-эпохи

*Т Анна
Герман*

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2013

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)
А 68

Оформление серии *С. Курбатова*

Фотография на обложке: *Рыбаков* / РИА Новости

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
John Arnaud / Alamy / DIOMEDIA;
Science Museum, London / DIOMEDIA;
Wojciech Traczyk, Marek Karewicz, Jacek Barcz / EAST NEWS;
Museum Literatury / EAST NEWS;
Keystone Pictures USA / ZUMAPRESS.com / Legion-Media;
Роман Денисов / Фото ИТАР-ТАСС;
Рудольф Алфимов, Галина Кмит, Николай Кутузов, Владимир Первенцев,
Борис Ушмайкин, Борис Кауфман, А.Варфоломеев, С.Жабин,
Рыбаков / РИА Новости; Наталья Логинова / Russian Look

А 68   **Анна Герман. Жизнь**, рассказанная ею самой. — М. : Яуза-пресс, 2013. — 256 с. — (Уникальная биография женщины-эпохи).

ISBN 978-5-9955-0698-0

«Любовь долготерпит, милосердствует, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине...» Последнее, что сделала АННА ГЕРМАН в своей жизни, — написала музыку на этот Гимн Любви апостола Павла: «Любовь не завидует, любовь не превозносится, всему верит, всего надеется, все переносит...» И таким же ГИМНОМ ЛЮБВИ стала данная книга. Это — не официальные мемуары великой певицы, в которых она вынуждена была промолчать об очень многом (о немецком происхождении своей семьи, о трагической судьбе отца, репрессированного и расстрелянного в 1938 году, о своей дружбе с будущим Папой Иоанном Павлом II). Это — исповедь счастливой женщины, в жизни которой была настоящая Любовь. Ее любимый предложил Анне руку и сердце, когда врачи отказывались верить, что она будет ходить после страшной аварии (49 переломов, тяжелейшая травма позвоночника, полгода в гипсе, более трех лет она не выходила на сцену). Ее муж был с ней «и в горе, и в радости», и в счастливые годы ее громкой славы, и в трагические дни, когда, узнав о своей смертельной болезни, она решила писать эту книгу. И написала ее так же, как пела, — ни в ее «золотом голосе», ни в этой последней исповеди нет ни единой фальшивой ноты, ни гнева, ни отчаяния — лишь Гимн торжествующей Любви...

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-9955-0698-0

© Павлицева Н., 2013
© ООО «Яуза-пресс», 2013

Я не вернусь в Сорренто

«Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

*«Гимн любви»
из Первого послания коринфянам
апостола Павла*

Вот что надо петь, обязательно надо. Почему никто не спел до сих пор?

Эти записи не продолжение «Вернись в Сорренто?». Ту книгу я писала, едва придя в себя после автокатастрофы, как ответ на многочисленные письма с пожеланиями выздоровления после страшной аварии, словно доказывая, что уже что-то могу. Тогда казалось

очень важным вспомнить каждый свой шаг в Италии до аварии и после нее, словно самой себе показать, что я справилась.

Прошло больше десяти лет, кроме того, тогда я знала, что от меня зависит, встану или не встану на ноги, буду или не буду петь. Знала, что если перенесу невыносимую боль, сумею справиться с непослушными мышцами, подчиню себе свое тело, собранное по кускам, то выйду на сцену.

Удивительно, тогда врачи твердили в один голос: «Положение безнадежное», потом: «Ходить, возможно, будет, петь нет, на сцене не будет...» А я верила, что буду. Сказать, что это просто уверенность молодости, нельзя, мне тридцать второй год, не ребенок.

Сейчас, наоборот, медсестры пытаются бодро уверить: «Пани Анна, вы еще споете», а я знаю, что нет. Знаю, что не спою, не выйду на сцену, к микрофону в студии записи. Сама себе дала слово, что если все же выкарабкаюсь, то буду петь только в храме, как когда-то обещала бабушке, но обещание не выполнила. Но, скорее всего, и этого не будет.

Просто после аварии мне свыше были даны еще десять лет, относительно «здоровых» лет, если можно назвать физическим здоровьем переломанные кости, собранные на штырях, непрекращающиеся восстановительные упражнения и постоянную физическую боль. Я забыла, что значит «не больно», и если со стороны мои движения не выглядят движениями дряхлой

старухи или робота, значит, удастся обманывать всех вокруг, потому что каждый шаг, каждый жест до сих пор вызывают боль. Просто я научилась перебарывать ее, свыклась, загнала в тайные уголки, не позволяя показываться на глаза.

Правда, я не могу плясать на сцене, не делала этого и до аварии, но раньше хотя бы размахивала руками, теперь и это невозможно. Все познается в сравнении, это так. Сейчас даже жизнь с постоянной болью и преодолением этой боли кажется просто прекрасной, но подходит к концу и такая.

Говорят, что рак не любит света и воздуха. Напротив, очень даже любит, стоит начать операции, если стадия не начальная, как раковая опухоль, получив свою порцию света и воздуха, начинает разрастаться очень быстро. У меня началась череда операций, значит, конец близок.

Нет, не дело, получается слишком плаксиво, слезливо, жалостливо, а я никогда не любила, чтобы меня жалели. Даже сейчас жалость не нужна. Я не справлюсь, уже знаю, что не справлюсь, на сей раз судьба возьмет верх, но только физически, морально не сдамся. Боль — это внешнее, это физическое, а есть еще душевное и духовное, вот в этом я сумею победить.

Десять отвоєванных у судьбы лет не прошли зря, я стала настоящей певицей, родила сына и подружилась со столькими замечательными людьми! Хотела, чтобы

на мои концерты ходили не из любопытства или жалости, не посмотреть на собранную по частям куклу, которая умудряется еще и петь, чтобы интересовались мной не как восставшей из пепла жертвой страшной катастрофы, а потому что нравятся мои песни, и добилась этого.

А то, что болезнь снова берет верх и теперь мне ее не победить, только добавляет ценности каждому оставшемуся дню, часу, минутке...

И сейчас мне важней не что было в моей жизни, а почему было, не как происходило, а зачем. Человек приходит в эту жизнь, чтобы чему-то научиться — любви, доброте, умению прощать и помогать, умению просто радоваться каждому новому дню, каждой прожитой минуточке. Обидно, что человек понимает это только тогда, когда минуточек остается невыносимо мало. И даже такое понимание на последних минутах дается, кажется, не всем.

Это тоже счастье — понять, зачем жила, зачем была, что должна была сделать и все ли сделала.

Меня то охватывает настоящее отчаянье, потому что почти ничего не успела, многое делала не так, как надо бы, то наплывает преступное безразличие, теперь уже ничего не успею, но все ясней пробивается другое: я должна еще совершить что-то очень важное, что до сих пор упустила. Должна успеть понять, что

именно, и сделать это, иначе покоя не будет даже после смерти.

У человека внутри всегда есть понимание того, правильно или неправильно поступает, а еще, есть ли у него будущее. Любой самый безнадежный момент не безнадежен, если внутри есть вера в то, что это не конец. И наоборот, можно посреди внешнего благополучия вдруг почувствовать, что... дальше ничего нет.

Благополучия не было, как бы я ни держалась на сцене, ни делала вид, что все хорошо, организм после аварии не восстановился, постоянно болело все, переломанные кости реагировали на любое изменение погоды. Все трудней становилось улыбаться сквозь боль, улыбка бывала похожа на застывший оскал.

Сейчас остается только надежда, что после операций, удаляющих и удаляющих какие-то части моего организма (как когда-то добавляли и добавляли металлические штыри и болты, чтобы скрепить переломанные кости), все же останется хоть что-то, кроме этих железок, что позволит бывшей Анне Герман хотя бы сидя петь в церкви, в измученном, переполовиненном теле останется голос. Мне большего не надо, только видеть, как растет Збышек, и петь, пусть не на сцене и даже не перед микрофоном на записи, просто петь для людей и для себя тоже. Но, кажется, не будет и этого. Рак безжалостен, слишком мало тех, кого он выпускает из своих смертельных объятий.

Сейчас я при малейшей возможности напеваю на магнитофон, сил наигрывать на пианино уже нет, но голос еще слушается, проклятая болезнь не затронула его. Наверное, это единственное, что мне осталось — голос и слух. Даже когда от боли отказывала память и способность думать, оставался голос.

Все больше мучает вопрос: что же я не доделала, что не завершила, из-за чего меня «не отпускает»? Временами боль нестерпима и кажется, что уход из жизни был бы избавлением от мучений, но я снова и снова возвращаюсь к жизни, если мое состояние можно таковой назвать. И тогда возвращается этот вопрос. Вот решу его и уйду спокойно.

Мне будет нетрудно уйти, но только после того, как пойму что-то очень-очень важное для себя и своих близких.

Проклятая болезнь ограничила все возможности, я не могу подолгу писать, даже думать подолгу не могу, остается тихонько напевать. Наверное, со стороны это выглядит сумасшествием — глушить невыносимую боль пением, но это единственное обезболивающее, которое мне осталось, другие не помогают.

Хватит жаловаться и стонать, так можно растратить последние силы, их осталось совсем немного, и они мне еще нужны.

Я жива, значит, я пою, я пою, значит, я живу! Пусть даже тихонько-тихонько, почти шепотом, на магнитофон или вообще для себя.

Удивительно, но оказывается, и молитвы можно петь, от этого они становятся проникновенней. Я отдаю Господу последнее, что у меня есть — мой голос, наверное, это нужно было делать раньше, но все случилось, как случилось, теперь не исправишь.

Это не книга воспоминаний. Я хочу и не хочу вспоминать свою жизнь.

Хочу, потому что в ней есть два моих любимых Збышека — сыночек и муж (вот как, маленький уже опередил большого!), есть мама, была бабушка, были и есть десятки умных, добрых, хороших друзей и просто знакомых, тех, кто мне помогал, поддерживал в труднейшие минуты и радовался моим радостям. В ней есть песня — моя любовь на всю жизнь.

Збышек-старший сделал все, чтобы я могла петь, он пожертвовал собой ради меня, моих песен. Я не могла назвать сына иначе как именем его папы.

Збышек-младший не любит, когда я пою колыбельную, требует «лучше про паровоз», вообще недолюбливает мои вокальные упражнения, просто потому, что когда мама начинает петь, это значит, скоро уедет. «Ля-ля-ля» для Збышека с самых первых дней сигнал о скором мамином отсутствии, а потому радости вызывать не может. Я очень боюсь, что у сына останется негативное восприятие песен, это плохо.

 Анна Герман

Обидно, что не увижу взросление своего сыночка, не увижу, каким он станет красивым юношей, не познакомлюсь с девушкой, которую приведет в дом, не понянчу его детей... Збышек обязательно будет стройным и видным парнем, он красивый мальчик, и у него будут красивые дети... Я немного завидую Збышеку-старшему именно из-за того, что он когда-нибудь возьмет в руки теплый комочек — сына нашего Збышека (или дочку), а малыш улыбнется дедушке беззубой улыбкой.

Это очень больно — уходить в сорок шесть лет, когда у тебя еще маленький ребенок, понимая, что оставляешь столько проблем и забот родным людям...

Авария

Любые мои воспоминания, любой рассказ о моей жизни, любой серьезный разговор обо мне (даже если с сыном и на будущее) нужно начинать с нее — проклятой автокатастрофы, которая разорвала, искромсала мою жизнь.

Она не просто поделила жизнь на «до» и «после», а действительно изуродовала все. Даже сейчас, почти через полтора десятилетия, я погибаю от последствий той страшной ночи. Это как бежать по залитому солнцем и покрытому цветами лугу и вдруг упасть со всего размаха и очутиться в страшной темноте.

Именно так и было.

И с 1967 года по нынешний день я постоянно, ежедневно, ежеминутно доказываю всем и себе, что я справилась, что почти здорова, что сумела победить

боль и преодолела все преграды, которые на моем пути выстроила жестокая судьба.

Не сумела, боль всегда была со мной и легкость, с которой я какое-то время держалась на сцене или у микрофона в студии давалась неимоверными усилиями, огромным количеством обезболивающих лекарств и капелюками пота на висках.

А теперь судьба и вовсе взяла верх, не сумев сломить меня, устроив 49 переломов, в том числе позвоночника, она зашла с другой стороны. Рак... И надежды больше нет, нет компаса земного, никуда он меня больше не поведет.

И останется маленький Збышек наполовину сиротой...

Да, у него очень добрый и заботливый папа Збышек (я знаю, что Збигнев-старший прекрасный отец и со всем справится), бабушка Ирма, мои друзья не бросят, не оставят без помощи, но мамы у него не будет. Никто не споет ему больше мою «Колыбельную», которую он, кстати, не очень-то и любит. Я росла без отца, но для военного и послевоенного времени это было почти нормально, во всяком случае, привычно, а вот без мамы... Не представляю, как могла бы прожить без своей дорогой мамы Ирмы.

Что во всем виновато, в том, что я уйду так рано, что поздно родила Збышека, что не смогла ему дать то, что дала бы мать в обычной семье?

Что тому виной, проклятая авария?

А в аварии что или кто виноват?

Я всегда думала, что Ренато, заснувший за рулем на скорости свыше ста пятидесяти километров в час. Конечно, он виноват, но почему-то он остался цел, а пострадала только я. Почему его судьба его сберегла, а моя меня наказала? Разве это не знак свыше?

Я справилась, но, как оказалось, только на время. Я ни на секундочку не жалею о том, что делала все эти годы после аварии, но сейчас все чаще думаю, что делала что-то не то или не так, или просто не совсем так.

Однажды услышала фразу, что судьба забирает молодыми самых лучших и талантливых, чтобы уходили на взлете, а не на спуске. Разве что утешиться этим... Слабое утешение, потому что умирать в сорок шесть не хочется ни талантливым, ни бесталанным (я считаю, что бестальных вообще не бывает, есть только те, кто не смог определить свой дар или не рискнул развить его вопреки жизненным условиям или преградам).

Впервые в Италии я побывала задолго до аварии, когда получила стипендию Министерства культуры и искусства Польши на два месяца стажировки в Риме.

Учиться в Италии... что может быть заманчивей для певицы, тем более не имеющей никакого певческого образования, кроме исключительно талантливых уроков исключительно талантливого педагога пани Янины Прошовской.

О, Италия чудесная страна, а итальянцы замечательные, хотя и несколько излишне импульсивные

